

Анна Шилд

Ада Огнева

МАЖОР НА СПОР

Любовь в нокауте

Ада Огнева

Мажор на спор

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Мажор на спор / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Я доверяю анализам, а не громким фамилиям. Тимур Громов, избалованный наследник и непобеждённый боксёр, приезжает в мою лабораторию перед главным боем года. Ему нужен медицинский допуск. Мне нужны достоверные результаты. Для человека, привыкшего получать желаемое, моя принципиальность становится личным оскорблением. И поводом для спора, в котором на кону оказывается гораздо больше одной подписи. Я не собираюсь поддаваться обаянию мажора. Но чем чаще мы сталкиваемся, тем труднее сохранять профессиональную дистанцию. Особенно когда понимаешь, что следующий удар может прийтись вовсе не по его сопернику.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Шилд

Мажор на спор

Мажор на спор

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Кровь никогда не врет. Человек может криво улыбаться, сжимать разбитые челюсти, уверять судей и тренеров в своей несокрушимости, но под окуляром микроскопа любая ложь рассыпается в прах за долю секунды. Капля венозной крови на предметном стекле — это самая честная кардиограмма человеческой души и предела биологической прочности.

Стрелка круглых настенных часов в моей лаборатории показывала ровно семь утра.

Центр спортивной медицины и гематологического контроля олимпийского резерва на набережной Москвы-реки только начинал просыпаться. Наше отделение занимало крыло большой гематологической клиники; за переходом уже шла утренняя смена у детей, которым было пока далеко до спортивных секций. За огромными панорамными окнами стелился плотный октябрьский туман, сквозь который свинцовая вода казалась застывшим полированным зеркалом. Вдоль гранитного парапета редкими желтыми вспышками скользили фары поливальных машин, а в моем просторном угловом кабинете на третьем этаже уже вовсю кипела напряженная работа.

Штативы стояли этикетками ко мне. Я протянула руку к нужной пробирке, продолжая читать фамилию в журнале, и пальцы сразу нашли ее крышку.

Воздух в помещении был насыщен бодрящей прохладой, острым металлическим запахом озона после ночной кварцевой обработки, тонкими нотами спиртовых антисептиков и тяжелым, тягучим травяным ароматом камфоры. Этот камфорный дух въелся в стены центра десятилетиями назад. Его приносили на своих тренировочных костюмах легкоатлеты, борцы классического стиля и гимнасты, натирающие гудящие от молочной кислоты связки перед изнурительными стартами. Сюда же примешивался едва уловимый дух свежезаваренного крепкого кофе и стерильного физиологического раствора.

На массивном рабочем столе из белой матовой стали гудела настольная центрифуга; от нее мелко подрагивал край бумажного бланка. Тяжелый ротор вращался со скоростью четыре тысячи оборотов в минуту, издавая низкий, утробный звук турбины взлетающего самолета. Рядом в специальных пластиковых штативах аккуратными рядами стояли десятки вакуумных пробирок. Фиолетовые резиновые крышки для общего клинического анализа с антикоагулянтом, алые для биохимии, голубые с цитратом для коагулограммы, серые для определения моментального уровня лактата.

Я щелкнула тумблером оптического микроскопа, поправила на переносице легкие защитные очки и наклонилась к бинокулярной насадке.

В светящемся круге поля зрения лежал окрашенный мазок. Я переключила объектив, добавила иммерсионное масло и навела резкость. Двояковогнутые диски эритроцитов проступили отчетливее; я передвинула стекло, выбирая участок, где клетки лежали раздельно.

— Ольга Дмитриевна, мы готовы к утреннему забору, — раздался от двери негромкий, уважительный голос моей старшей медсестры Марины.

Она вошла неслышно, в идеально выглаженном бирюзовом хирургическом костюме, держа в руках стопку свежих протоколов функциональной готовности. Марина работала в нашем отделении больше пятнадцати лет и понимала меня буквально с полувзгляда.

— Приглашай первую группу, Мариша, — отозвалась я, не отрывая взгляда от окуляров. — Сегодня до полудня нужно прогнать через проточную цитометрию весь молодежный состав по академической гребле и проверить пловцов на длинные дистанции перед контрольными заплывами.

— Там еще тренер Воропаев караулит у порога, — тихо добавила Марина, сокрушенно вздохнув. — Привел своего семнадцатилетнего Костю. Мальчишка едва ноги волочит, а старик требует подписать разрешение на международный юношеский турнир.

Я выпрямилась, сняла тонкие смотровые перчатки и бросила их в лоток для утилизации. Внутри привычно шевельнулась холодная профессиональная злость. Это была вечная беда нашего спорта. Амбициозные наставники выжимали из юных организмов последние соки, пытались закрыть свои тренерские нормативы и получить солидные премии за призовые места, а потом приводили ко мне истощенных, выгоревших подростков с посаженными сердцами и разрушенным костным мозгом.

— Зови обоих, — твердо сказала я. — Посмотрим на его ферритин и сывороточное железо.

Через минуту в кабинете появился заслуженный тренер Воропаев. Кряжистый, седой старик в синем тренировочном костюме со старыми гербами нервно теребил свисток на груди. За его спиной стоял долговязый светловолосый парнишка в шерстяной олимпийке. Губы Кости были бледными с легким синюшным оттенком, под глазами залегли темные свинцовые круги, а длинные худые пальцы мелко подрагивали при каждом движении.

— Олечка, милая, сделай исключение! — с порога завел старик умоляющим, сирым голосом. — Парень на пике формы! Мы три года шли к этому юниорскому первенству! Вчера на вечерней воде он снял две десятых секунды с личного рекорда! Подмахни допуск, ну что

тебе стоит? Пару ампул витаминов проколем, глюкозу покапаем в вену, и он всех порвет на дорожке!

Я молча взяла со стола свежий лист с распечаткой биохимического анализатора и положила перед тренером.

— Взгляните на цифры своими глазами, Семен Петрович. Ферритин упал до пяти единиц — запас железа истощен. Гемоглобин девяносто восемь граммов на литр. Сывороточное железо практически на нуле. Его мышечные ткани находятся в состоянии тяжелой гипоксии. Сердечная мышца работает на износ в аварийном режиме непрерывной компенсации.

— Но он же плавает! — упрямо воскликнул тренер, повышая голос и стуча ладонью по колену. — Он терпит! У него характер чемпионский, железный!

— Он плавает за счет разрушения собственных белковых резервов, — отрезала я ледяным тоном, от которого пожилой наставник невольно опустил плечи. — Вы предлагаете ему снова плыть на пределе, когда он едва держится на ногах. Вы хотите привезти со соревнования кубок или инвалида с пороком сердца? Я снимаю Костю со сборов ровно на три недели. Полный физический покой, лечебный курс препаратов железа, высокобелковая диета и регулярный гематологический контроль в нашей лаборатории.

Мальчишка судорожно перевел дух и посмотрел на меня с немой, бесконечной благодарностью. Он слишком боялся признаться тренеру в своей смертельной усталости, и теперь ждал, пока я отдам направление ему, а не наставнику.

— Ты режешь без ножа, Дмитриевна, — проворчал старик, пряча виноватые глаза. — Слишком ты строгая. Вся в покойного отца пошла. Тот тоже ни одной липовой справки ради дружбы в жизни не подписал.

— Мой отец спас жизни десяткам талантливых ребят, которых такие ретивые наставники готовы были загнать до инфаркта на дорожках, — я развернула направление к Косте, и мальчик первым потянулся за ним. — И я буду делать то же самое каждый божий день. Идите в процедурный, Костю осмотрит дежурный врач; лечение начнем сегодня.

Когда дверь закрылась, в просторном кабинете снова воцарилась целительная утренняя тишина, нарушаемая лишь мерным шелестом вытяжки.

Я подошла к термопоту, налила в тяжелую керамическую кружку горячий черный кофе без сахара и подошла к панорамному окну. Туман над рекой постепенно рассеивался под лучами холодного октябрьского солнца. Вдали, за золотистыми кронами старого парка, четко проступали массивные циклопические очертания спортивного комплекса Лужники. Огромная чаша главного стадиона, крытые манежи, сверкающие металлические купола дворцов единоборств.

Там бурлила совсем другая жизнь. Большой коммерческий спорт, замешанный на миллионных рекламных контрактах, бешеных ставках подпольных и легальных тотализаторов, телевизионных рейтингах и раздутом мужском тщеславии. Туда стремились сотни молодых парней, готовых превратить свои тела в дешевый расходный материал ради блестящих чемпионских поясов, кубков и красивых спорткаров.

Я сделала глоток обжигающего напитка, чувствуя приятную горьковатую терпкость на языке.

Мне было двадцать шесть лет. После окончания Первого медицинского университета с красным дипломом и блестящей защиты кандидатской диссертации по нарушениям реологии крови у спортсменов высших достижений передо мной были открыты любые двери. Меня звали в престижные частные клиники Швейцарии и Германии, предлагали огромные оклады в закрытых спортивных клубах столицы. Но я осталась здесь, в государственной лаборатории олимпийского резерва, где когда-то создавал научную школу мой отец, выдающийся спортивный врач и профессор Дмитрий Вяземский.

Отец научил меня главному закону настоящей спортивной медицины. Наше призвание состоит в том, чтобы защищать спортсмена от его собственного безумия и слепой жажды сиюминутной славы. Золотые медали тускнеют, кубки покрываются пылью на полках, а разрушенные сосуды мозга и разорванное сердце невозможно купить ни за какие сокровища мира.

В коридоре послышались размеренные, тяжелые шаги. Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул главный врач нашего центра Павел Сергеевич. Седовласый, подтянутый мужчина шестидесяти лет в расстегнутом докторском халате держал в руке фарфоровую чашку с зеленым чаем.

— Как начинается смена, Ольга Дмитриевна? — с теплой улыбкой поинтересовался он, присаживаясь на краешек мягкого дивана для посетителей. — Слышал, ты снова поставила на место старика Воропаева?

— Пять единиц ферритина, Павел Сергеевич. Он хотел выпустить истощенного подростка на полуторакилометровую дистанцию вольным стилем.

Главврач понимающе покачал головой и сделал глоток чая.

— Ты абсолютно права, Оля. Никаких поблажек никому. Наш центр сохраняет высший статус именно благодаря твоей принципиальности. Но приготовься, сегодня день обещает быть крайне тяжелым и нервным.

Я насторожилась, уловив в его обычно спокойном голосе непривычную тревогу.

— Что-то стряслось? Внеплановая проверка антидопингового комитета?

— Хуже, — поморщился шеф, потирая переносицу. — Звонили из высокого оргкомитета предстоящего титульного вечера бокса в Лужниках. В эту субботу на главной арене страны запланирован грандиозный бой года за звание абсолютного чемпиона мира в тяжелом весе. На кону стоят чемпионские пояса ведущих боксерских ассоциаций, сумасшедшие призовые фонды и прямая трансляция на десятки зарубежных стран.

— И при чем здесь наша лаборатория? У профессиональных бойцов есть свои личные медики, готовые закрыть глаза на любые уродства в анализах ради гонораров.

— В том-то и загвоздка. Международная судейская комиссия в этот раз выставила беспрецедентно жесткое требование. Из-за недавней череды скандалов со стимуляторами финальный медицинский допуск оба финалиста обязаны получить в независимой государственной лаборатории олимпийского резерва. Документ должен быть заверен гербовой печатью нашего центра и личной подписью независимого эксперта по гематологии. То есть твоей подписью.

Я поставила кружку с кофе на стол. Металлическая поверхность отозвалась сухим стуком.

— И кто же наш претендент на величие?

— Тимур Громов, — произнес главврач, внимательно наблюдая за моим лицом.

Глава 2

Это имя гремело по всей столице. О Громе ежедневно писали спортивные таблоиды, его мускулистая фигура украшала гигантские светящиеся билборды вдоль Кутузовского проспекта. Непобежденный чемпион, любимец светских хроник, золотой мальчик — таким его подавали журналы, приписывая ему баснословно богатую столичную семью и жизнь без малейших усилий. Он гонял по ночным проспектам на эксклюзивных спорткарах, сорил деньгами в элитных заведениях и выносил соперников с ринга в первых раундах сокрушительными нокаутами.

— Слышала о таком персонаже, — холодно отозвалась я. — Очередной самовлюбленный нарцисс, считающий себя властелином мира.

— Он феноменальный боец с колоссальной ударной мощью, Оля, но нрав у него дикий и неуправляемый. Его промоутеры передали, что Тимур приедет на углубленное обследование ближе к полудню. Будь с ним предельно осторожна. Парень патологически не умеет принимать отказы.

— В моей лаборатории говорят не пустые слова, Павел Сергеевич, — я положила чистый бланк допуска перед главврачом, оставив графу подписи на виду. — Здесь говорят клеточные показатели крови, коагулограмма и маркеры перегрузки миокарда. Если его анализы будут соответствовать идеальной норме, он получит свою визу. Если показатели будут сбиты, он останется обычным зрителем на трибуне, кто бы ни стоял за его спиной.

Ровно в одиннадцать тридцать утра размеренный рабочий покой нашего центра был грубо и демонстративно растоптан.

С улицы, со стороны широкой заасфальтированной площади перед главным корпусом, докатился оглушительный, яростный рев форсированного автомобильного двигателя. Звук был настолько низким, вибрирующим и мощным, что в моем кабинете жалобно зазвенели тонкие стеклянные мензурки на полках, а в кружке с кофе пошла мелкая круговая рябь.

Я подошла к окну и отвела жалюзи в сторону.

Прямо по широкому пешеходному пандусу, предназначенному исключительно для въезда машин скорой помощи и спортсменов на инвалидных колясках, с пронзительным визгом жженой резины несясь приземистый хищный силуэт. Это был невероятно редкий, эксклюзивный Мерседес Макларен с хищными аэродинамическими обводами кузова, выкрашенный в глубокий матово-черный цвет с серебристыми карбоновыми вставками. Машина затормозила с резким боковым заносом, оставив на светлом полированном граните две широкие черные полосы расплавленного корда, и замерла в полуметре от парадных стеклянных дверей, намертво перегородив центральный вход в здание.

Из распахнувшегося вверх крыла автомобиля неторопливо выбрался человек.

Даже с высоты третьего этажа в его осанке сквозила подавляющая, неприкрытая физическая мощь. Широкие плечи, тяжелая пружинистая походка матерого хищника, привыкшего без малейших сомнений ломать любые препятствия на своем пути. На нем была расстегнутая черная кожаная куртка поверх темно-серого худи из тонкого кашемира и свободные спортивные брюки. Густые темные волосы были влажными от пота и взъерошенными, а левую сторону лица он небрежно прикрывал скомканным белым махровым полотенцем.

Следом со стороны пассажирского места выскочил невысокий, пухлый мужчина в дорожном шерстяном пальто. Он суетливо семенил за боксером, непрерывно прижимая к уху золотистый смартфон и отчаянно размахивая кожаной папкой с документами.

— Господи помилуй, это же сам Громов прикатил, — испуганно прошептала вошедшая Марина, выглядывая из-за моего плеча. — Ольга Дмитриевна, он же сейчас всю клинику на

уши поставит! Охранники у центральных турникетов даже рта не посмели раскрыть, пропустили всю кавалькаду без единого пропуска!

— Пусть ставит на уши свои ночные клубы, но за порогом этой лаборатории, — сухо ответила я, задернув жалюзи. — Приготовь набор для первичной хирургической обработки, ампулы с местным анестетиком, шовный материал и свежие вакутейнеры для биохимии. Нам предстоит крайне утомительный прием.

Спустя полминуты коридор сотрясся от тяжелых, гулких шагов.

Двустворчатая дверь моего кабинета распахнулась без малейшего стука, с размаху ударившись пластиковыми ручками об резиновые ограничители на стене.

В помещение ворвался концентрированный запах чужой, звериной территории. Запах едкого соленого пота, разогретой на холодном ветру кожи, терпкого шлейфового парфюма с тяжелыми нотами сандала и мускуса, свежей крови и вездесущей камфоры, которой натирали ударные суставы перед жесткими спаррингами.

Тимур Громов перешагнул порог кабинета так, словно вошел в собственный тренировочный зал или в вип-ложу ночного клуба.

Его рост был под два метра, бугрящиеся мышцы шеи переходили в мощные трапеции, на открытых предплечьях темнели замысловатые татуировки в виде скандинавских рун и переплетенных цепей. Холеное, породистое лицо с резко очерченными скулами и тяжелым квадратным подбородком было искажено гримасой раздражения. Но главное бросалось в глаза мгновенно.

Над его левым глазом зияла глубокая, рваная рана. Кожа на брови лопнула до самой надкостницы, обнажая набухшие багровые края. Свежая темная кровь толчками сочилась из рассечения, тонким ручейком стекала по щеке, пачкая воротник кашемирового худи, а вокруг глазницы уже наливался плотный фиолетовый кровоподтек.

— Так, кто тут у вас главный по штампам? — громогласно бросил он низким, хриплым баритоном, даже не взглянув в мою сторону. — Быстро заштопайте эту дырку и ставьте подпись

в допуске. У меня через сорок минут генеральная пресс-конференция в Лужниках, репортеры со всей Европы собрались.

С этими словами он небрежным барским движением швырнул свое грязное, пропитанное кровью и потом полотенце прямо на мой рабочий стол, прямо на стерильный металлический лоток с подготовленными инструментами.

Марина испуганно ойкнула и вжалась спиной в шкаф с медикаментами.

Суетливый пухлый менеджер, влетевший следом, тут же подскочил ко мне, расплываясь в угодливой, масляной улыбке.

— Здравствуйте, уважаемый доктор! Я Борис, официальный представитель абсолютного чемпиона! Мы дико извиняемся за внезапность, произошла крошечная накладка на утренней закрытой тренировке! Спарринг-партнер случайно задел перчаткой, ерунда, чистая случайность! Нам нужен быстрый косметический шовчик или медицинский клей, печать о прохождении медкомиссии, и мы полетели! Вы же понимаете, статус боя не позволяет затягивать формальности!

Я даже не взглянула на протянутую пухлую визитку.

Я посмотрела на полотенце, распластанное поверх инструментов. Его придется убирать, лоток менять — и все это под диктовку человека, который даже моего имени не спросил. Я отложила журнал подальше от крови.

Я медленно поднялась из-за стола. На мне был безупречно отглаженный белый докторский халат из плотного хлопка, застегнутый на все пуговицы до самого горла, на шее покоился стетоскоп с матовой стальной мембраной, а волосы были убраны в строгий гладкий узел на затылке.

Я взяла с соседней инструментальной полки длинный хирургический пинцет из хромированной стали.

Не произнося ни слова, я двумя стальными лапками брезгливо подцепила окровавленное полотенце Громова, приподняла его над столом и с глухим стуком сбросила в желтый напольный бак с яркой надписью об опасных биологических отходах. Затем повернулась к раковине, тщательно вымыла руки дезинфицирующим мылом, насухо промокнула их одноразовым полотенцем и натянула на пальцы плотные синие нитриловые перчатки.

Резина звонко щелкнула на моих запястьях.

Громов, уже успевший развалиться в моем рабочем кресле и закинуть ногу на ногу в пыльных кроссовках, насмешливо прищурился уцелевшим глазом.

— Эй, докторша, ты меня вообще слышишь? — протянул он с ленивой издевкой, разглядывая меня с ног до головы. — Или в вашем государственном заповеднике все такие заторможенные? Я повторяю по слогам. Зашей бровь и отдай подписанный протокол. Время пошло.

Я подошла к нему вплотную и остановилась в полустае.

Мой взгляд встретился с его темными, насмешливыми глазами. В них горела привычная для избалованных богачей уверенность в том, что весь окружающий мир создан исключительно для обслуживания их прихотей.

— Поднимитесь с моего кресла, гражданин Громов, — сказала я и указала на кушетку. Громов посмотрел на мой палец, словно впервые увидел, как ему показывают место.

Его насмешливая ухмылка на мгновение замерла.

— Что, прости?

— Вы оглохли от удара в височную кость? Повторяю внятно. Вы перепутали аккредитованную лабораторию олимпийского резерва с придорожным автосервисом или раздевалкой подпольного клуба. Снимите вашу грязную куртку, освободите мое кресло и пересядьте на смотровую кушетку. Если вы хотите, чтобы вам оказали квалифицированную помощь, вы будете подчиняться моим правилам. Если правила вас не устраивают, дверь открыта настежь.

Можете отправляться на вашу пресс-конференцию с открытой раной и кровью на подбородке. Но сначала я запишу, что вы отказались от помощи.

В кабинете повисла такая плотная, мертвая тишина, что стало слышно, как за окном шуршат редкие сухие листья на асфальте.

Менеджер Борис побледнел как полотно и судорожно схватился за сердце.

— Боже мой, девушка, вы в своем уме?! Перед вами национальное достояние! Гордость российского бокса!

Тимур медленно, очень плавно поднялся на ноги.

Он встал в полный рост, нависая надо мной тяжелой каменной стеной. От него веяло раскаленным жаром, дыхание было частым, прерывистым, в глубине темных зрачков вспыхнуло неподдельное, хищное бешенство. Мужчина привык, что женщины замирают от одного его взгляда, заискивают и ловят каждое слово. Мое ледяное презрение ударило по его раздуту эго сильнее, чем встречный боковой удар тяжеловеса.

Он наклонился вперед, сокращая дистанцию между нами до считанных сантиметров. Я почувствовала кожей терпкое тепло его дыхания с привкусом мяты и железа.

— Ты очень дерзкая для девчонки с копеечным стетоскопом на шее, — тихо, угрожающе прошипел он, глядя мне прямо в переносицу. — Думаешь, белый халат дает тебе право открывать на меня рот?

Я даже глазом не моргнула. Сердце под ребрами стукнуло чуть быстрее от внезапной близости опасного зверя, но спина осталась идеально прямой, а подбородок приподнялся еще на сантиметр.

— Белый халат дает мне право решать, выйдете вы на ринг в субботу или проведете ближайший месяц в палате интенсивной терапии, Громов, — отчеканила я, не отводя глаз. — Садитесь на кушетку. Живо.

Глава 3

Несколько бесконечно долгих секунд Тимур буравил меня тяжелым, налитым яростью взглядом. Его челюсти сжались так сильно, что на скулах вздулись бугры желваков. Казалось, он вот-вот сорвется, сметет хрупкие стеклянные шкафы и разнесет всю лабораторию в щепки.

Но дисциплина профессионального спортсмена взяла верх над слепой гордыней.

Он резко выдохнул через ноздри со звуком спущенного пара, сдернул с плеч кожаную куртку, небрежно бросив ее прямо на спинку дивана, и в два широких шага преодолел расстояние до металлической смотровой кушетки. Пружины жалобно скрипнули под весом почти центнера литых, тренированных мышц.

— Давай, начинай свое шаманство, — сквозь зубы процедил он, запрокидывая голову назад. — Только без лишней лирики.

Я повернула штатив бестеновой хирургической лампы, направив яркий холодный луч прямо на его лицо.

При таком освещении масштаб повреждения предстал во всей своей пугающей красе. Рассечение левой брови было не просто глубоким. Края рваной раны разошлись почти на полтора сантиметра, обнажая надкостницу лобной кости. Из поврежденных капилляров и мелких артериол толчками вытекала темная, неестественно густая кровь, которая мгновенно запекалась на коже плотной коркой. Это была классическая боевая травма от акцентированного, чудовищного по силе бокового удара с накладки тяжелой перчатки.

— Марина, лед и салфетки с антисептиком, — скомандовала я, подходя к кушетке с левой стороны.

Медсестра мгновенно подала мне стерильный гелевый пакет со льдом, завернутый в плотную марлю, и лоток со смоченными хлоргексидином тампонами.

Я осторожно, но жестко прижала марлевый тампон к кровоточащему краю раны, вымывая остатки талька и пота. Громов даже не дрогнул. Его лицо оставалось каменной маской, лишь пальцы на коленях побелели от чудовищного напряжения.

— Кто так приложился? — сухо спросила я, пальпируя подушечками пальцев край глазницы, чтобы исключить оскольчатый перелом кости. — Удар был без шлема и на встречном курсе. Спарринг-партнеры так не бьют.

— Тебе какая разница, доктор? — хрипло отозвался он. — Подвернулся один дерзкий парень на закрытой базе. Решил проверить мою реакцию перед боем в Лужниках.

— И судя по вашей брови, реакция вас безнадежно подвела.

Тимур глухо зарычал, дернувшись всем корпусом.

— Держите лед плотно, Громов, — я перехватила его широкую, горячую ладонь в мозолях и прижала ее поверх марли с ледяным компрессом. — Не вертите головой, иначе я не смогу оценить зрачковый рефлекс.

В момент соприкосновения наших пальцев сквозь тонкую синюю резину перчатки словно прошел слабый электрический разряд. Его ладонь была шершавой, обожженной жесткими бинтами, обжигаяще горячей. На мгновение наши глаза снова встретились. В глубине его темных зрачков сквозила затаенная дикая боль, которую он отчаянно пытался скрыть под маской ленивой насмешки.

Я достала из кармана диагностический фонарик и щелкнула кнопкой.

— Смотрите прямо на переносицу.

Узкий луч света скользнул по его зрачкам. Правый зрачок среагировал быстро, левый сузился с едва заметной, но отчетливой задержкой в доли секунды. После удара по голове такая разница требовала немедленного осмотра невролога и обследования.

— Закройте глаза. Вытяните руки вперед, — продолжила я бесстрастным тоном.

Он нехотя подчинился. Кончики его пальцев едва заметно, мелко вибрировали. При попытке коснуться указательным пальцем кончика носа с закрытыми глазами он промахнулся на полсантиметра влево.

— Так, понятно, — пробормотала я, снимая с шеи стетоскоп. — Расстегните худи.

Громов дернул молнию на груди, обнажая рельефный торс. Все его тело было покрыто паутиной старых шрамов от канатов и рассечений, а на левых ребрах синел свежий, обширный синяк размером с суповую тарелку.

Я согрела матовую мембрану стетоскопа в ладони и прижала ее к межреберью слева от грудины.

Металл коснулся разгоряченной кожи. Мышцы груди Тимура мгновенно отвердели, под кожей заходили тугие волокна. Сердце колотилось как безумный паровой молот. Сто пятнадцать ударов в минуту в полном физическом покое. На каждом седьмом ударе отчетливо прослушивалась глухая экстрасистола, внеочередное сокращение миокарда, свидетельствовавшее о тяжелой электрической нестабильности проводящей системы сердца.

— Лягте на спину. Дышите глубже, — потребовала я, перемещая стетоскоп к верхушке сердца.

— Ты долго будешь меня слушать? — хрипло выдохнул он мне прямо в волосы. — У меня сердце как у быка. Ни один соперник за тридцать боев не смог пробить мою защиту по корпусу.

— Ваше сердце работает в режиме жесточайшей перегрузки, Громов. Оно не как у быка. Оно как загнанный мотор спорткара, в который забыли залить охлаждающую жидкость.

Я отстранилась, убрала стетоскоп в карман и подошла к лабораторному столу.

— Марина, жгут и пробирки для забора.

Медсестра быстро наложила резиновый жгут на его левое плечо. Вены на бицепсе боксера вздулись толстыми синими канатами.

— Поработайте кулаком.

Громов сжал пальцы пару раз, презрительно усмехнувшись.

— Ты еще укол мне сделай с обезболивающим, докторша. Я боли с десяти лет не чувствую.

— Боль — это физиологический сигнал об опасности, — сухо заметила я, обрабатывая локтевой сгиб спиртовой салфеткой. — Отсутствие боли говорит лишь о повреждении периферических рецепторов или переизбытке кортизола в коре надпочечников. Не дергайтесь.

Тонкая стальная игла мягко вошла в вену.

В прозрачный вакуумный цилиндр хлынула кровь. Она была неестественно темной, почти черной, вязкой, словно разбавленная нефть. Даже через тонкий пластик пробирки чувствовалась ее повышенная плотность. Я быстро наполнила фиолетовую пробирку с этилендиаминтетрауксусной кислотой, следом алуу с активатором свертывания и серую для экспресс-определения лактата.

— Держите руку прямо, прижмите салфетку.

Я повернулась к автоматическому анализатору крови и центрифуге.

Образцы отправились в гнезда ротора. Крышка захлопнулась, центрифуга завывала, набирая обороты для разделения плазмы и клеточной массы. Каплю цельной крови я поместила в картридж экспресс-анализатора критических состояний.

В кабинете воцарилось напряженное ожидание.

Менеджер Борис нервно мерил шагами пространство у двери, то и дело поглядывая на свои золотые часы. Тимур сидел на кушетке, продолжая прижимать лед к рассеченной брови. Его взгляд неотрывно следил за каждым моим движением. В его глазах больше не было прежней откровенной наглости. Там застыло настороженное, колючее любопытство зверя, впервые встретившего непреодолимую преграду.

Пока Марина занималась бровью, пришли первые результаты. Анализатор издал протяжный электронный писк.

Из щели в верхней панели поползла длинная бумажная лента с графиками и цифровыми показателями. Я оторвала термобумагу, подошла к яркому свету окна и углубилась в чтение результатов.

С каждой новой строчкой брови мои сдвигались все ближе к переносице.

Цифры не просто пугали. Они кричали о надвигающейся катастрофе.

Гематокрит пятьдесят восемь процентов при норме до сорока пяти. Это означало катастрофическое сгущение крови, потерю жидкой фракции плазмы и смертельный риск тромбообразования. Он явно сгонял вес варварскими методами, сливая воду литрами через диуретики и термокостюмы в сауне за последние сорок восемь часов.

Креатинфосфокиназа зашкаливала за четыре тысячи восемьсот единиц при верхнем пороге двести сорок. Миоглобин в сыворотке запредельный. Острейший рабдомиолиз, массовый распад мышечных волокон под воздействием запредельных физических нагрузок и тяжелых ударов. Продукты распада мышечного белка забивали почечные каналы, создавая прямую угрозу острой почечной недостаточности.

Лактат крови двенадцать миллимоль на литр. Тяжелейший метаболический ацидоз.

Показатели коагулограммы тоже требовали перепроверки. Я отметила их на распечатке и попросила Марину подготовить повторный образец. С таким рассечением оставлять сомнительные цифры без внимания было нельзя.

Но сильнее лабораторных цифр меня тревожила замедленная реакция зрачка. Я снова посмотрела на Тимура. Он шурился под лампой, упорно выдавая боль за раздражение.

Я положила рядом с анализами направление на обследование головы. Прежде чем разговаривать о ринге, нужно было исключить кровоизлияние. Я уже слышала, что он ответит, — и все равно придвинула бланк к краю стола.

Я медленно опустила ленту и повернулась к кушетке.

— Ну что там, докторша? — нетерпеливо окликнул Громов, отнимая лед от лица. Из рассечения снова поползла тонкая алая струйка. — Заканчивай драматические паузы. Подписывай допуск.

Я подошла к своему рабочему столу, села в кресло и положила перед собой официальный протокол углубленного медицинского обследования.

— Никакого допуска не будет, гражданин Громов.

Глава 4

Слова прозвучали негромко, но ударили по тишине кабинета тяжелым свинцовым молотом.

Борис застыл на полушаге, выронив свою кожаную папку на пол. Листы бумаги с шелестом разлетелись по линолеуму.

— Что вы сказали?! — взвизгнул менеджер, подбегая к столу. — Вы шутите?! Это провокация!

Тимур медленно опустил руки. Его лицо посерело, темные глаза сузились в две опасные щели.

— Ты бредишь, женщина? — в его голосе зазвенела глухая, вибрирующая угроза. — Повтори еще раз.

Я взяла металлическую перьевую ручку с черными чернилами и посмотрела ему прямо в зрачки.

— Я повторяю для тех, у кого отбиты височные доли. Вы категорически отстранены от спаррингов и спортивных соревнований минимум на тридцать календарных дней. Нагрузки будем возвращать постепенно, по результатам обследований. Главный бой года в Лужниках для вас отменен. Сегодня вас осмотрят невролог и дежурный врач стационара. Домой — только с их разрешения.

Тишина в кабинете разорвалась внезапным бешеным воплем.

— Вы с ума сошли?! — заверещал менеджер Борис, хватаясь за щеки пухлыми потными ладонями. — Какое отстранение?! Какой запрет?! Вы хоть понимаете, что несете, девчонка?! В субботу в Лужниках проданы все тридцать тысяч билетов! Ведущие телеканалы выкупили права на прямую трансляцию за баснословные деньги! Там завязаны десятки миллионов долларов спонсорских контрактов! Если бой сорвется, с нас снимут неустойку в космическом масштабе! Вас сотрут в порошок! Вас уволят к вечеру с волчьим билетом!

Тимур не кричал.

Он медленно поднялся с кушетки, расправляя свои чудовищные плечи. Его лицо было мертвенно-белым, лишь свежий порез над бровью пульсировал темной кровью. Он сделал два тяжелых, размеренных шага к моему столу и с размаху обрушил оба тяжелых кулака на полированную стальную столешницу.

Грохот удара отозвался звоном во всех стеклянных витринах. Микроскоп на краю стола едва заметно подпрыгнул, штатив с пробирками качнулся, но я даже не вздрогнула.

Он навис надо мной всем своим мощным корпусом. Его лицо оказалось в двадцати сантиметрах от моего. Я видела каждую пору на его коже, мелкие капли пота на висках и черные, расширенные от первобытной ярости зрачки. От него разило жаром раскаленной печи, кровью и неприкрытой угрозой физического насилия.

— Ты хоть понимаешь, на кого подняла свой хвост, докторша? — прохрипел он глухим, kloкочущим шепотом, от которого у Марины за спиной затряслись колени. — Я Тимур Громов. Непобежденный чемпион мира. Я положил на настил тридцать соперников. За мной стоят люди, способные купить этот ваш замшелый медицинский центр вместе со всем олимпийским резервом и сравнять его с землей за один телефонный звонок. Твой начальник будет лично ползать передо мной на коленях, умоляя забрать заявление. Ты сейчас же возьмешь свою ручку и поставишь допуск. Иначе твоя карьера врача закончится в этой самой комнате прямо сейчас.

Я медленно отодвинула стул и встала во весь рост.

Мой рост был метр семьдесят пять, я была гораздо изящнее этого мышечного монстра, но в моих жилах текла кровь военных хирургов, не боявшихся ни генералов, ни пуль. Мой взгляд был твердым и холодным, как лезвие хирургического скальпеля из углеродистой стали.

— Ваши люди могут снести это здание, Громов, — четко, раздельно произнесла я, глядя ему прямо в пылающие глаза. — Но они не смогут восстановить разорванные сосуды вашей головы, когда черепная коробка заполнится полулитром артериальной крови. Ваша мышечная ткань сейчас распадается, продукты распада забивают почки, а кровь по вязкости напоминает горячий гудрон. Новый удар по голове сейчас может закончиться кровоизлиянием. Вы предлагаете мне дождаться этого на ринге? Я не подписываю смертные приговоры самоубийцам ради чужих миллионов. А ваши дешевые угрозы оставьте для мальчишек из подворотен. На меня они не действуют.

Тимур тяжело дышал, раздувая ноздри.

Его взгляд метался по моему лицу, натываясь на абсолютное, несокрушимое спокойствие. Он впервые в жизни столкнулся с человеком, которого было невозможно сломать страхом или заставить трепетать перед грубой силой.

Поняв, что запугивание провалилось, он криво, цинично усмехнулся.

— Ах, вот оно что... — протянул он с едкой издевкой. — Значит, ты у нас принципиальная праведница? Решила набить себе цену, потому что понимаешь, насколько важна твоя закорючка на бланке?

Он шагнул к дивану, сунул руку во внутренний карман брошенной там кожаной куртки и вернулся к столу.

С сухим, плотным шорохом на стальную поверхность стола легла тяжелая, толстая пачка банкнот, перетянутая широкой белой банковской лентой.

Это были новенькие, хрустящие стодолларовые купюры. Банковская упаковка на пятьдесят тысяч американских долларов. Огромное состояние, на которое в Москве можно было купить приличную однокомнатную квартиру или жить безбедно несколько лет.

— Забирай, — небрежно бросил он, подтолкнув пачку пальцем к моим пробиркам. — Здесь пятьдесят штук зеленым. В твоей нищей государственной богадельне тебе придется горбатиться за такие деньги три года без выходных и отпусков. Забирай деньги, доставай свою печать, пиши «годен без ограничений» и забудь мою фамилию. Купишь себе новую одежду, машину или откроешь частный кабинет. Нам нужен только штамп.

Борис за его спиной облегченно выдохнул и довольно потер руки.

— Вот видите, дорогая доктор! Тимур умеет быть благодарным! Разумный компромисс ради общего блага!

Я опустила взгляд на зеленые бумажки.

В груди поднялась ледяная, обжигающая волна презрения. Для этих людей в мире не существовало ничего святого. Честь, врачебный долг, человеческая жизнь, профессиональное достоинство, все это они привыкли измерять толщиной денежных пачек. Он искренне верил, что за эти крашенные бумажки можно купить мою совесть и заставить меня торговать клятвой Гиппократов.

Я снова взяла со стола длинный хирургический пинцет.

Медленно, не торопясь, кончиками стальных браншей я подцепила бумажную ленту на пачке долларов. Приподняла тяжелый кирпич банкнот над полированной сталью стола, словно это была заразная гнилостная ткань, и решительным движением разжала пальцы над тем самым желтым напольным баком для опасных медицинских отходов.

Тяжелая пачка долларов с глухим стуком рухнула на самое дно пластикового контейнера, прямо на окровавленные ватные шарики и использованные шприцы.

— Вы что творите, безумная?! — истошно взвыл Борис, хватаясь за голову. — Пятьдесят тысяч баксов в помойное ведро?!

Тимур застыл с открытым ртом.

Его холеное лицо вытянулось, самодовольная улыбка превратилась в нелепую застывшую маску. Он смотрел на желтый бак с отходами так, словно туда только что выбросили его собственную отрубленную руку. В его сознании, воспитанном на всемогуществе капитала, происходящее просто не укладывалось ни в какие рамки логики.

Я открыла деревянную коробочку, достала массивный латунный штамп с гербом центра и с силой вдавила его в подушечку со свежей алой мастикой.

Затем четким, беспощадным движением опустила штамп на середину титульного листа протокола обследования.

Красные чернила глубоко впечатались в белую бумагу.

«ОТСТРАНЕН. КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ЗАПРЕТ НА СПАРРИНГИ И БОИ НА ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ».

Ниже я размашисто вывела черными чернилами свою фамилию и поставила личную подпись эксперта.

Я повернулась к компьютеру, вставила в считыватель персональную электронную флешку с цифровым сертификатом врача олимпийского резерва и нажала клавишу ввода. Экран мигнул, отправляя зашифрованный пакет данных в единую автоматизированную систему Федерации профессионального бокса и Национального антидопингового агентства.

— Ваш соревновательный допуск приостановлен в единой федеральной базе на тридцать дней, гражданин Громов, — отчеканила я, поднимая на него ледяной взгляд. — Снять этот запрет теперь невозможно ни взятками, ни связями ваших покровителей. Только моим повторным протоколом полного функционального восстановления. Забирайте свой мусор из урны. Затем — в приемное отделение с Мариной. Бровь нужно ушить, а голову обследовать сегодня, Громов.

Борис сдавленно всхлипнул, торопливо подскочил к желтому пластиковому контейнеру и дрожащими руками извлек со дна тяжелую, перепачканную пачку стодолларовых банкнот. Он брезгливо вытер ее краем своего дорогого кашемирового шарфа, сунул во внутренний карман и испуганно отшатнулся к выходу, непрерывно оглядываясь на меня, словно на ожившую средневековую инквизиторшу.

Тимур не двинулся с места.

Его темные глаза горели черным, первобытным пламенем уязвленного мужского самолюбия. Он смотрел на меня так, будто пытался прожечь взглядом дыру в моей груди и добраться до самого сердца. В этом взгляде смешались в гремучий коктейль свирепая ярость нокаутера, растерянность избалованного миллионера и странное, почти лихорадочное изумление.

Борис уже вытирал купюры, а Тимур все смотрел на мою подпись. Я повернула протокол к нему. Пусть прочитает еще раз: решение осталось прежним.

— Ты еще горько пожалеешь об этом дне, докторша, — глухо, едва разжимая сведенные судорогой челюсти, выдохнул он.

Глава 5

Он резко развернулся на пятках, подхватил со спинки дивана свою кожаную куртку и вымелся из кабинета. Тяжелая дверь с грохотом захлопнулась за его спиной, встряхнув дверную коробку.

В помещении наконец воцарилась тишина.

Марина обессиленно опустила на металлический табурет возле стерилизатора и прижала ладонь к груди.

— Матушка моя... Ольга Дмитриевна, да у меня от страха чуть душа в пятки не ушла! Вы же его на куски разорвали без единого выстрела! Я думала, он нас прямо здесь приберет!

— Если он снова начнет угрожать, вызывай охрану, Мариша, — сказала я, снимая защитные перчатки. Влажная резина прилипла к пальцам, и пришлось стянуть ее за край. — Его звание здесь ничего не меняет. Наведи порядок на столе, пожалуйста. Мне нужно передать копию протокола курьеру спортивного комитета.

Я запечатала подписанный экземпляр в плотный крафтовый конверт с синим гербовым штампом центра олимпийского резерва.

Спускаясь по широкой гранитной лестнице на первый этаж, я чувствовала, как внутри медленно отступает адреналиновый спазм. Пальцы все еще слегка покалывало, виски приятно холодил свежий сквозняк из вентиляционных решеток. Я понимала, что только что совершила профессиональный подвиг, предотвратив страшную трагедию в прямом эфире, но знала и другое. Семья Громовых и промоутерские синдикаты Лужников никогда не прощают сорванных миллионов. Впереди меня ждала тяжелая война.

Когда я толкнула тяжелую стеклянную дверь главного вестибюля и вышла на широкое гранитное крыльцо, промозглый осенний воздух ударил мне в лицо влажной, бодрящей свежестью.

Но на площади перед медицинским центром разворачивалось зрелище, от которого у меня перехватило дыхание.

Там уже не было утренней тишины.

Прямо напротив перегородившего пандус черного Мерседеса Макларена замер внушительный кортеж из трех огромных бронированных внедорожников сопровождения. А перед ними, сияя ядовитым золотистым глянцем на тусклом октябрьском солнце, стоял низкий спортивный болид с открытым верхом.

Вокруг машин столпилась целая толпа. Охранники в строгих черных пальто оттесняли зевак и сотрудников соседних спортивных баз, вспыхивали яркие фотовспышки камер, а в центре этого бурлящего круга стояли двое.

Тимур Громов стоял у капота своего матового суперкара, сжимая в руке окровавленную марлевую салфетку. Его бровь продолжала сочиться алой струйкой, растрепанные волосы трепал сырой ветер, а широкая грудь ходила ходуном.

Прямо перед ним, вальяжно засунув руки в карманы идеально скроенного бежевого пальто из верблюжьей шерсти, стоял высокий, худощавый мужчина с аккуратной эспаньолкой и хищными, насмешливыми чертами лица.

Артур.

Его имя знала вся околоспортивная Москва. Наследник девелоперской империи, теневой хозяин нелегальных букмекерских синдикатов, владелец сети закрытых ночных клубов и главный, самый непримиримый соперник Громова в светской и спортивной тусовке. Их вражда тянулась годами, подогреваемая бешеной завистью Артура к чемпионским титулам Тимура и постоянной борьбой за лидерство среди золотой молодежи столицы.

Артур заливался громким, раскатистым, театральным смехом, демонстрируя идеальные фарфоровые виниры.

— Ой, держите меня семеро! — надрывался он, показательно поворачиваясь к своей свите и щелкая пальцами в сторону репортеров. — Народ, вы только поглядите на нашего непобедимого гладиатора! Гроза мировых рингов, железный кулак России, великий и ужасный Тимур Громов только что вылетел из обычной районной поликлиники с пинком под зад!

Толпа его прихлебателей взорвалась подобострастным гоготом.

— Артур, заткнись, пока я не оторвал тебе голову прямо на этом асфальте, — глухо, страшно прорычал Тимур, делая шаг вперед.

Охранники Артура синхронно напряглись, сделав полшага навстречу, но их босс лишь небрежно махнул рукой в тонкой кожаной перчатке.

— Полегче, чемпион, побереги свой сломанный лоб! — с ядовитой ухмылкой протянул Артур, подходя к Громову почти вплотную. — Мне только что отзвонились из судейской коллегии Лужников. Твою лицензию заблокировали в федеральной базе на тридцать суток! Бой отменен! Главное событие осени летит к чертям собачьим! Все билеты сдают в кассы, спонсоры рвут контракты, а неустойку повесят на твои счета! И ради чего? Потому что строгая девочка с фонендоскопом нашла в твоей крови следы страха и запретила выходить на ковер?!

Челюсти Тимура сжались с такой силой, что хруст зубов был слышен даже на ступенях крыльца.

— У меня глубокое рассечение и обезвоживание, урод! Никто не боится твоего подставного претендента! Я сотру его в порошок в любой день и в любом состоянии!

— Да ты сдулся, Громов! — вкрадчиво, с наслаждением процедил Артур, сверкая глазами. — Ты привык побеждать купленных судей и запугивать слабых. А перед первой же принципиальной бабой в белом халате спасовал как сопливый юнец! Ты трус, Тимур. Твое чемпионство — это просто раздутый мыльный пузырь, который лопнул от одного укола медицинской иглы. Ты никогда не вернешься на вершину. Твое время вышло.

Эти слова били точно по открытым нервам. Я видела с высоты гранитного крыльца, как дрожат от сдавленного бешенства мускулистые плечи Тимура. Его гордость, его единственная опора в жизни подверглась публичному растоптанию перед десятками свидетелей.

— Я докажу тебе обратное на твоих собственных костях, тварь, — прохрипел боксер.

Артур хищно осклабился. Он подвел соперника именно к той точке кипения, ради которой приехал сюда с целым кортежем.

Он демонстративно развернулся к припаркованным машинам, подошел к капоту матово-черного Мерседеса Макларена и звонко хлопнул ладонью по углепластиковому спойлеру.

— А давай проверим на деле, чего стоят твои пустые угрозы, Тимурчик! Сыграем повзрослому, на самых жестких условиях!

Артур выдержал драматическую паузу, обводя взглядом замершую толпу.

— Ты три года гордишься своим редким Мерседесом Маклареном, собранным по индивидуальному заказу в единственном экземпляре. Ты трясешься над ним больше, чем над родной матерью. А на твоей полке в пентхаусе лежит золотой пояс абсолютного чемпиона мира. Я предлагаю пари, от которого у тебя затрясутся поджилки!

Тимур застыл, не сводя с него тяжелого взгляда.

— Говори условия.

— Ровно тридцать календарных дней! — громко, на всю площадь провозгласил Артур, вскидывая руку. — Ровно тот срок, который вlepила тебе эта нестигаемая врачиха! Если ты настоящий мужик, а не пустозвон на папиных деньгах, ты останешься в этой клинике. Ты ляжешь под ее капельницы, будешь принимать ее препараты, выполнять все ее приказы и собственным потом докажешь, что способен вернуть форму! И через тридцать дней ты заставишь ее добровольно, без единой копейки взятки, подписать тебе чистый допуск к бою!

В толпе слышались изумленные вздохи.

— А если ты сорвешься, если сбежишь, если эта девчонка вышвырнет тебя вон или откажется ставить подпись, — Артур сделал шаг вперед и ткнул пальцем в грудь Тимура, — ты отдаешь мне ключи от этого редкого Мерседеса Макларена прямо здесь, на этой площади! И в придачу к спорткару ты навсегда отдаешь мне свой золотой чемпионский пояс! Твой пояс украсит стену в моем главном ночном клубе, как трофей над поверженным хвастуном!

Тишина на площади звенела натянутой струной. Ставка была чудовищной. Потерять эксклюзивный суперкар стоимостью в сотни миллионов рублей и главное спортивное достижение всей жизни означало полное социальное и профессиональное уничтожение.

— А что ставишь ты, крыса? — глухо спросил Громов.

Артур самодовольно усмехнулся и вытащил из кармана пальто золотистый брелок с эмблемой своего спорткара.

— Я ставлю свой золотой открытый болид и десять миллионов рублей наличными на благотворительность твоего нищего спортивного клуба! Ну что, чемпион? Или кишка тонка потягаться со строгим доктором?

Тимур бросил яростный взгляд на свой матовый суперкар, затем перевел дыхание. В его глазах вспыхнуло безумное, неукротимое упрямство человека, для которого отступление равносильно физической смерти.

— По рукам, — громовым голосом отчеканил Тимур. — Ровно тридцать дней! Мой Мерседес Макларен и золотой пояс против твоей тачки и десяти миллионов! Готовь ключи, Артурчик. Через месяц я разобью твое самодовольное лицо прямо на капоте твоего корыта!

Они ударили по рукам перед десятками вспыхнувших объективов.

Артур залился торжествующим хохотом, махнул свите и направился к своему автомобилю. Кортёж с ревом моторов сорвался с места, обдав площадь сизым дымом и растаял в тумане на набережной.

Толпа зевак начала нехотя расходиться.

Тимур остался стоять посреди пустеющей площади. Он тяжело дышал, сжимая кулаки до побелевших костяшек. И тут его взгляд скользнул вверх, по гранитным ступеням центрального входа.

На верхней площадке крыльца, прижимая к груди крафтовый конверт с протоколом, стояла я.

Ветер трепал полы моего белого халата, выбивая тонкие пряди волос из строгого узла. Я слышала каждое слово их дикого, бессмысленного мужского спора. Споры, в котором мое профессиональное имя и врачебная честь были использованы в качестве разменной монеты для ярмарки чужого тщеславия.

Громов медленно двинулся ко мне.

Он поднимался по широким гранитным ступеням тяжело, размеренно, не отводя от меня пылающих черных глаз. Он остановился на ступень ниже меня, так что наши глаза оказались на одном уровне.

От него исходил густой жар, запах крови и раненого зверя.

— Ты все слышала, докторша? — хрипло выдохнул он, упирая руки в бока. — На кону стоит мой редкий Мерседес Макларен и мой золотой чемпионский пояс. Все, ради чего я проливал кровь в залах десять лет. И теперь ты никуда от меня не денешься. С завтрашнего утра я поселяюсь в твоём кабинете. Я буду дышать тебе в затылок тридцать дней. Ты будешь лечить меня, чистить мою кровь и гонять по своим тестам. А через тридцать дней ты собственной рукой подпишешь допуск и признаешь, что ошиблась.

Глава 6

Я посмотрела на него сверху вниз.

Я прижала конверт к боку: ветер норовил вырвать его из пальцев. Громов ждал ответа. Пока я молчала, он убрал руки с бедер и развернулся ко мне всем корпусом — наконец-то слушал.

— Вы ошиблись адресом, гражданин Громов, — я шагнула вперед, и он отступил на полшага, освобождая верхнюю ступень. — Моя лаборатория — это не арена для ваших ярмарочных пари. Я никогда не стану марионеткой в вашей войне мажоров. Мне глубоко безразличен ваш золотой пояс и ваш блестящий спорткар. Но раз уж вы решили превратить свое выздоровление в публичное шоу, слушайте мои условия.

Тимур нахмурился, его брови сошлись на переносице.

— Какие еще условия?

— Железные, — отчеканила я, скрестив руки на груди. — Первое. В стенах моего центра вы забываете свое чемпионское звание и разговариваете со мной строго на «вы» и с дистанции вытянутой руки. Никаких криков, никаких барских замашек и никакого рукоприкладства. Второе. Полная и безоговорочная капитуляция перед медицинским протоколом. Каждый день в семь утра вы будете стоять у дверей процедурного кабинета натошак для сдачи контрольных анализов. Никаких ночных клубов, никакого алкоголя, строжайшая диета, гипербарическая оксигенация в барокамере и физиотерапия. Третье. Если контроль выявит запрещенные вещества, результаты уйдут в антидопинговую комиссию. Ваше пари расследование не остановит.

Лицо Громова потемнело. Он сжал кулаки, в его глазах вспыхнул дикий бунт.

— Ты устанавливаешь мне комендантский час, женщина?!

— Я спасаю вашу жизнь от вашего собственного безрассудства, чемпион, — холодно парировала я. — Вы вошли на мою территорию. Здесь правят законы спортивной медицины и

биохимии, а не толщина кошелька вашего папы. Если вы опоздаете завтра хоть на пять минут, я закрою двери на ключ и вышлю официальное уведомление вашему другу Артуру о том, что вы испугались процедур. Пусть забирает ваш Мерседес Макларен прямо завтра к обеду.

Тимур шумно втянул воздух сквозь зубы.

Его грудь вздымалась от ярости, но в глубине расширенных зрачков вместо слепой злобы вспыхнул опасный, хищный, непреодолимый азарт. Он увидел перед собой равного противника, женщину из кремня и стали, сломать которую было сложнее, чем отправить в нокаут самого свирепого претендента на мировой титул.

— Семь утра, Вяземская, — глухо, с опасной бархатной хрипотой в голосе произнес он, делая шаг назад к лестнице. — Я приду. Натощак. И упаси тебя небо опоздать хоть на секунду.

Он развернулся, не надевая куртки на ледяном ветру, и направился к своему черному суперкару. Я окликнула Марину, появившуюся в дверях, и показала на него: до приемного отделения этого упрянца еще предстояло довести.

У машины его перехватила Марина. Несколько секунд Громов спорил, потом бросил ключи Борису и вернулся с ней в корпус. Мотор взревел уже за спиной боксера: менеджер наконец освобождал въезд для скорой.

Я стояла на ветру на гранитном крыльце, держа в пальцах плотный конверт.

Под ребрами глухо и гулко колотилось сердце. Часы обратного отсчета были запущены. Впереди были тридцать дней свирепой, беспощадной схватки двух негибимых характеров. И на кону стояло гораздо больше, чем золотой пояс и дорогой автомобиль. На кону стояла жизнь человека, который еще не понимал, что встретил свою судьбу.

На шестой день нашего соглашения семь часов утра в цокольном крыле медицинского центра олимпийского резерва пахли ледяным сквозняком, медицинской камфорой и едким озоном от только что погашенных кварцевых ламп.

Я завязала тесемки накрахмаленного хлопкового халата, поправила стетоскоп на шее и подошла к окну лаборатории. За узкими стеклами полуподвала моросил мелкий октябрьский дождь. По асфальтовой дорожке спортивного городка у набережной бежали в непромокаемых куртках гребцы и марафонцы. Их шаги глухо отдавались в сыром воздухе. Для них этот день был обычной тренировочной рутинной, а для меня начинался личный эксперимент по усмирению дикого зверя.

Сегодня мы работали в учебной лаборатории цокольного крыла: мой кабинет на третьем этаже оставался за Мариной. На столе лежали свежие бланки биохимических анализов. Рядом поблескивал стальной корпус гематологического анализатора и стояли две центрифуги с тяжелыми роторами. Все здесь подчинялось строгому закону цифр и фактов. В человеческой крови невозможно спрятать ложь. Никакие миллионы на банковских счетах, никакие золотые медали и заказные статьи в глянцевах журналах не способны обмануть уровень тромбоцитов, скрытое воспаление и взлетевшую до небес креатинкиназу.

Пять дней назад Тимур стоял в моем кабинете во весь свой двухметровый рост, скалился сытой волчьей улыбкой и искренне полагал, что печать в его допуске к титульному бою можно купить взмахом платиновой карты. Он привык, что перед его титулом непобежденного нокаутера и фамильным капиталом распахиваются любые двери. Он нависал надо мной всей своей каменной массой, пах кедром и самоуверенностью, обещая неприятности от министерства спорта и покровителей из Лужников.

Ответом ему стал мой категорический запрет.

Я закрыла его карту и швырнула ее на стол прямо перед его холеным носом. Подозрение на травму головы после спарринга, критическое падение показателей свертываемости и дикая перетренированность. Еще один тяжелый удар перчаткой в челюсть на ринге, и этот самодовольный гладиатор превратился бы в неподвижное тело на операционном столе нейрохирургии.

Спортивная комиссия поддержала мой вердикт без единого возражения. У него оставался единственный шанс не лишиться международной лицензии навсегда. Тридцать дней жесткого стационарного и амбулаторного контроля, полная смена режима и ежедневное личное присутствие под моим наблюдением. После обследования и нескольких часов наблюдения в стационаре он подписал соглашение со скрежетом зубным, пообещав превратить мою жизнь в ад. Снимки исключили внутричерепное кровоизлияние, контрольные анализы пошли на поправку. Вчера врач разрешил легкую работу с перерывами; контактные тренировки оставались под запретом.

Снаружи, прямо под окнами лаборатории, раздался утробный, раскатистый рык форсированного мотора.

Звук был настолько низким и мощным, что на стеклянных полках тонко зазвенели пустые мензурки. Я выплянула в форточку. У входа в корпус замер длинный хищный силуэт редкого темно-серого суперкара с матовым отливом. Из приоткрытых дверей струился глухой электронный бит, от которого дрожали лужи на тротуаре.

Через три минуты тяжелые входные двери лабораторного блока скрипнули. В коридоре раздался неторопливый, пружинистый шаг человека, привыкшего ступать по рингу хозяином положения.

На пороге лаборатории возник Тимур.

Он был великолепен той раздражающей, наглой красотой, которая обычно заставляет юных девушек терять дар речи. Дорогая черная толстовка из плотного кашемира подчеркивала размах борцовских плеч и узкую талию. На ногах красовались белоснежные кроссовки из ограниченной серии, на запястье поблескивал массивный хронограф из матового титана. Над левой бровью темнел свежий шов после недавнего рассечения, заклеенный полоской телесного пластыря. Темные глаза смотрели с ленивым, издевательским прищуром.

— Доброе утро, доктор Вяземская, — протянул он глубоким бархатным голосом, в котором звенела неприкрытая насмешка. — Я прибыл на заклание. Где мое персональное кожаное кресло, свежесжатый сок и персональный массажист? Надеюсь, вы подготовили отдельную палату с мягким светом?

Я медленно опустила ручку на журнал учета, не вставая с места.

— Семь часов две минуты, господин чемпион. Вы опоздали на сто двадцать секунд. В следующий раз я закрою перед вашим носом бронированную дверь шлюза и придется ждать следующего свободного окна для обследования.

Тимур усмехнулся, шагнул ближе и оперся кулаками о край моего массивного деревянного стола. От него пахло морозным воздухом, горьким эспрессо и тем самым элитным кедровым одеколоном, который стоил как полугодовой бюджет нашей реактивной комнаты.

— Какая суровость, — выдохнул он, наклоняясь так близко, что я отчетливо увидела золотистые крапинки в глубине его зрачков. — Доктор, вам вредно столько хмуриться. От этого на прекрасном лбу появляются преждевременные морщинки. Расслабьтесь. Я здесь на целый месяц. Мы успеем подружиться, если вы прекратите строить из себя неприступную снежную королеву.

Мое сердце предательски кольнуло от волны сухого жара, исходившей от его мощного тела, но внешне я осталась холодной как кусок сухого льда.

— Руки со стола, — я прикрыла журнал, в который уже въехал его рукав. — Это рабочая поверхность. Здесь команду я, а вы пока учитесь занимать место, отведенное пациенту.

Тимур медленно выпрямился, картинно поднимая ладони вверх.

— Слушаюсь, командир. С чего начнем? Анализ крови из вены? УЗИ сердца? Или сразу перейдем к душевным беседам о моем трудном характере?

— Начнем с техники безопасности и соблюдения субординации.

Я поднялась со стула, подошла к металлическому сейфу в углу комнаты и распахнула тяжелую дверцу.

— Телефон.

Тимур непонимающе моргнул.

— Что?

— Ваш смартфон, золотой мальчик. Выкладывайте его сюда. На время процедур телефон останется здесь. После них сможете забрать, если понадобится. Никаких звонков тренерам, никаких светских подружек, никаких фотосессий для спортивных блогов.

Брови чемпиона поползли вверх. В глазах мелькнула опасная искра бойца, которого только что грубо толкнули на взвешивании.

— Вы перегибаете палку, Ольга Дмитриевна. Этот аппарат стоит дороже всего вашего оборудования в этом крыле. Там рабочие контракты на миллионы евро.

Глава 7

— Мне глубоко плевать на ваши контракты, — отчеканила я, глядя ему прямо в переносицу. — Либо вы добровольно кладете трубку в сейф, либо прямо сейчас разворачиваетесь, садитесь в свой черный драндулет и уезжаете в закат без сегодняшних процедур. Выбирайте. У вас ровно пять секунд.

Мы замерли друг напротив друга. Воздух между нами словно сгустился до состояния густого глицерина. Тимур шумно втянул воздух через ноздри. Его широкая грудь вздымалась под тонким кашемиром, челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки. Он привык побеждать взглядом любого соперника в тяжелом весе.

Но я смотрела на него глазами врача, видевшего сотни сломанных судеб, и в моих глазах не было ни капли страха.

Прошло четыре долгие секунды.

Тимур глухо зарычал сквозь зубы, сунул руку в карман дизайнерских спортивных брюк и с глухим стуком бросил тяжелый металлический телефон на металлическую полку сейфа.

— Зачет, доктор, — проскрежетал он. — Характер у вас ядовитый. Мужчины от вас в окно не выпрыгивают?

— Мои мужчины обладают достаточным интеллектом, чтобы соблюдать правила гигиены, — парировала я и захлопнула дверцу сейфа раньше, чем он успел придумать ответ. Ключ дважды повернулся в замке. Ключ я демонстративно опустила в глубокий карман своего халата. — Теперь спецодежда.

Я выдвинула нижний ящик шкафа и извлекла приготовленный комплект. Синий защитный халат самого большого размера, который мы обычно выдавали грузчикам при разгрузке контейнеров с растворами, полиэтиленовую шапочку и огромные синие бахилы. Сверху я шлепнула толстые резиновые перчатки грязно-желтого цвета самого большого размера.

Тимур посмотрел на эту кучу казенного полиэтилена так, словно перед ним лежаладохлая змея.

— Это шутка?

— Это ваша служебная униформа на время восстановительного курса. Переодевайтесь.

— Я не надену этот мешок для картошки, — надменно процедил чемпион, скрестив руки на груди. — На мне вещи от ведущего миланского дизайнера.

— Тогда снимите кашемир и работайте с голым торсом, если вам так больше нравится смущать санитарок. Но правила санитарного контроля едины для всех. Надевайте халат, Тимур. Время пошло.

Он смерил меня взглядом, в котором ярость причудливо смешивалась с зарождающимся азартом. Этот парень явно не привык к тому, что кто-то смеет отдавать ему приказы. Не выпуская моего взгляда, он резким движением сдернул через голову кашемировую толстовку.

Я невольно сглотнула, хотя изо всех сил постаралась сохранить невозмутимое выражение лица.

Под мягкой тканью скрывалось совершенное, пугающе мощное тело античного гладиатора. Литые бугры широчайших мышц спины, стальные плиты пресса, глубокие тени на ребрах и мощные плечи, исполосованные старыми белесыми шрамами от жестких канатов и рассечений. На левой стороне груди темнела татуировка с изображением сжатого кулака и крыльев ястреба. От его обнаженной кожи пахло жаром, чистой силой и диким первобытным напором.

Тимур перехватил мой мимолетный взгляд, и на его губах снова расцвела самодовольная усмешка.

— Нравится вид, доктор? Можете пощупать пульс прямо здесь. Бьется ровно пятьдесят ударов в минуту. Как у сытого тигра перед прыжком.

— Пульс я замерю по графику, — сухо оборвала я, отворачиваясь к раковине. — Халат натяните, тигр. Здесь сквозняки, а мне не нужен чемпион с пневмонией на руках.

Он хмыкнул, натянул синий халат, который угрожающе затрещал по швам в районе его чудовищной спины, натянул шапочку на коротко стриженные темные волосы и с видимым отвращением натянул резиновые перчатки. Вид непобежденного чемпиона мира по профессиональному боксу в желтой резине и синем казенном балахоне был настолько комичным, что я с трудом подавила рвущийся наружу смешок.

— Ну вот, красавец, — резюмировала я. — Теперь к делу.

— Какой тренажер первый? Беговая дорожка с датчиками лактата? Эллипс?

— Вашим главным тренажером на сегодня станет глубокая мойка из нержавеющей стали и вот эти три контейнера, — я указала рукой на дальний угол лаборатории.

Тимур оглянулся и замер.

В углу высились три массивных пластиковых контейнера, доверху забитых обеззараженной учебной стеклянной посудой с высохшими следами моющего раствора, коническими колбами и узкими мензурками. Рядом стояли две пятилитровые канистры со специальным щелочным раствором и длинные проволочные ершики разного диаметра.

— Автоматическая моющая станция с утра ушла на внеплановую калибровку форсунок, — без тени жалости пояснила я. — А к полудню диспансер принимает сорок юных боксеров и легкоатлетов из резервной юношеской сборной на сезонный скрининг. Для учебного занятия мне нужны чистые, обезжиренные и высушенные пробирки. Пациентские образцы пойдут в одноразовые вакутейнеры, а эту посуду подготовим для практикантов. Каждая промывается щелочью, затем дистиллятом, затем ставится в сушильный шкаф вот на эти металлические штыри.

Тимур медленно повернул голову ко мне. Его лицо выражало абсолютное, космическое потрясение.

— Вы предлагаете мне... мыть посуду? Мне? Первому номеру мирового рейтинга?

— Я предлагаю вам идеальное упражнение на мелкую моторику, концентрацию внимания и снижение уровня патологической гордыни, — не моргнув глазом ответила я. — В боксе главное что? Точность движений, контроль силы и выдержка. Вот и покажите, как ваш чемпионский контроль работает на тонком боросиликатном стекле. Если разобьете хоть одну пробирку, вычту из времени вашей тренировочной реабилитации три часа.

— Вяземская, вы надо мной издеваетесь, — прошипел он, делая шаг к раковине.

— Я занимаюсь восстановлением вашего центрального торможения, Громов. Начинайте. Ершик в правую руку, пробирку в левую. Воду включайте теплой струей, иначе щелочь будет пениться.

Он подошел к мойке, как идут на эшафот. Его огромные кулаки, привыкшие крошить лицевые кости оппонентов и разрывать тяжелые кожаные мешки, выглядели в раковине совершенно беспомощными. Он взял первую стеклянную пробирку кончиками затянутых в желтую резину пальцев так осторожно, словно держал взведенный детонатор.

— Нажимайте мягче, чемпион, — бросила я, проходя мимо него к центрифуге. — Стекло не держит боковой хук. Оно требует уважения.

Тимур стиснул зубы и опустил ершик в мыльную пену.

Первая битва за его спесь началась.

Прошло два часа, и лаборатория наполнилась монотонным плеском воды, скрипом резины по мокрому стеклу и глухим ворчанием, напоминавшим рычание раненого гризли.

Тимур стоял над раковиной в позе бойца в глухой защите. Ноги расставлены на ширину плеч, мощная спина согнута дугой, локти прижаты к бокам. Синий халат на его лопатках взмок от пота, на лбу блестели крупные капли, а челюсти двигались так, словно он пережевывал стальные гайки.

Длинный ершик в его лапах выглядел как зубочистка. Он с ювелирной осторожностью загонял жесткую щетину в очередную узкую стеклянную колбу, проворачивал три раза по часовой стрелке, ополаскивал под струей и с благоговейным ужасом водружал ее на сушильный штырь.

На штырях уже сияли два ровных строя вымытой посуды. Ни одной разбитой мензурки.

Я сидела за микроскопом в пяти шагах от него, делая вид, что полностью поглощена подсчетом лейкоцитарной формулы в мазке периферической крови. На самом деле я исподтишка наблюдала за каждым его движением.

В этом человеке боролись две противоположные стихии. С одной стороны, в нем клокотала спесь избалованного миллионера, привыкшего щелкать пальцами и получать желаемое на серебряном подносе. С другой стороны, брала верх железная дисциплина профессионального спортсмена высшего эшелона. Он ненавидел эту работу каждой клеткой своего тела, но его спортивная гордость не позволяла сдаться, бросить ершик и признать поражение перед женщиной.

Он дрался с этими пробирками так же яростно, как дрался за чемпионский пояс в двенадцатом раунде.

— Доктор Вяземская, — раздался хриплый голос из-за мойки. — Скажите честно. Вы разработали этот садистский план лично или вам помогали специалисты по пыткам из средневековых инквизиций?

— Это стандартный регламент подготовки лабораторной базы, Громов, — отозвалась я, не отрываясь от окуляров. — Между прочим, ручной труд прекрасно снимает психоэмоциональное напряжение и тренирует мелкие мышцы кисти. Ваши сухожилия после того спарринга были зажаты как перетянутые канаты. Если кисти заболят, сразу остановитесь. Я разрешила спокойную работу, а не новый рекорд.

— Спасибо, — процедил Тимур, аккуратно опуская пятидесятую пробирку в лоток. — Век не забуду вашей трогательной заботы. Кажется, перерыв пора объявлять официально. Я

кулак сжать не могу. Если на меня сейчас нападет первоклассник, я смогу только облить его мыльной пеной.

— Первоклассники на вас нападать не станут, если вы перестанете на них рычать. Отдохните, я осмотрю кисти. Потом перейдем ко второй части работы. Нужно на тележке перевезти учебные роторы из автоклавной. Поднимать их я вам запрещаю. Проверим балансировку на стенде.

Тимур с видимым облегчением содрал желтые перчатки, бросил их на край мойки и расправил богатырские плечи. Позвоночник его отозвался сухим треском.

— Слава небесам. Нормальная мужская тяжесть. Ведите к вашим центрифугам, пока я не растворился в щелочи окончательно.

После перерыва мы прошли в соседний отсек, где пахло горячим металлом и стерильным паром.

Здесь располагался массивный медицинский дистиллятор, постоянно кипятивший воду для растворов, и высокий стеллаж из полированной стали, на котором хранились массивные роторы, металлические стаканы для центрифугирования и большие стеклянные бутылки с физиологическим раствором и реактивами. Каждая бутылка весила около пятнадцати килограммов.

— Роторы весят по восемнадцать килограммов каждый, — пояснила я, указывая на нижнюю полку. — Сегодня только отвезем их к стенду. Устанавливает и балансирует роторы наш техник. Ошибка даже в два грамма приведет к биению вала на десяти тысячах оборотов, и ротор просто разнесет бронированную крышку в щепки. Понятно?

— Вяземская, я рассчитываю силу удара с точностью до миллиметра, когда пробиваю апперкот в челюсть сквозь блок, — с легким высокомерием усмехнулся Тимур, засучивая рукава синего халата. — Сбалансировать пару железных болванок для меня проще детской считалочки.

Он подкатил тележку к нижней полке и сдвинул на нее ротор. Рука потянулась к следующему, но под моим взглядом Тимур взялся за ручку тележки. Повез ее к стенду, старательно обходя стыки плитки, — пол сотрясали только его демонстративно тяжелые вздохи.

Я подошла к стеллажу, чтобы достать коробку со стерильными переходниками для пробирок на верхней полке. Встала на цыпочки, потянула край пластикового контейнера.

И в этот момент в старой чугунной системе водоснабжения раздался глухой, злобный удар.

Гидравлический удар потряс трубы под потолком с силой артиллерийского выстрела. Толстый армированный шланг, подававший ледяную воду под высоким давлением к змеевику дистиллятора, с диким свистом сорвало с латунного штуцера.

Стена воды и густого белого тумана с ревом хлестнула в стену прямо над стеллажом.

Струя под бешеным напором ударила в верхнюю металлическую секцию. Тяжелый стеллаж, заставленный десятками килограммов стекла и растворов, угрожающе закрипел. Крепежные анкера в старой кирпичной кладке не выдержали многолетней усталости металла и с сухим треском вывалились из стены с кусками штукатурки.

Двухсоткилограммовая металлическая громада, уставленная тяжелыми бутылками, покачнулась и начала медленно, неотвратно падать прямо на меня.

Глава 8

Я замерла, ослепленная водяной пылью. В ушах стоял свист сорванного шланга, перед глазами летела темная тень рушащегося железа. Ноги словно приросли к скользкому полу.

— Оля, назад! — раздался яростный, трубный рык.

Все произошло за долю секунды. Мой мозг даже не успел сформировать панический крик.

Тимур не побежал в сторону, спасая себя. Он совершил тот самый взрывной чемпионский спурт, которым сбивал с ног лучших тяжеловесов планеты. Воздух вокруг него буквально разорвался от скорости движения.

Он влетел между мной и падающей машиной, развернулся корпусом и выставил вперед свое каменное плечо и согнутую в локте левую руку.

Глухой, чудовищный удар потряс комнату.

Тяжелая стальная стойка стеллажа с грохотом врубилась в его плечо и предплечье. Мышцы на его спине вздулись канатами, сухожилия на шее натянулись до предела, на лице проступила багровая сетка вен. Он принял на себя всю кинетическую энергию падающей конструкции.

Правой рукой он сгреб меня за талию, оторвал от пола как пушинку и буквально швырнул себе за спину, закрывая своим телом от летящих сверху стеклянных осколков.

В следующую секунду верхняя полка не выдержала наклона. Пятилитровая бутылка со щелочным моющим раствором полетела вниз, ударилась о выступ и разорвалась, окатив нас обоих пенной лавиной теплой мыльной жижи.

Следом сорвался вентиль аварийной магистрали. Тимур, продолжая удерживать накренившийся стеллаж одной рукой, изогнулся дугой и каблуком своего тяжелого кроссовка с размаху впечатал аварийный рычаг подачи воды в пол, намертво перекрывая хлещущий поток.

Раздался шипящий вздох угасающего пара.

Тимур с последним рывком сдвинул стойку к простенку вентиляционной шахты. Стеллаж заклинило между стеной и корпусом дистиллятора. Боксер осторожно убрал плечо; железо выдержало, и только тогда он опустился на пол.

Наступила мертвая, оглушительная тишина, нарушаемая только шипением остывающих труб и прерывистым дыханием.

Мы оба сидели на мокром полу среди океана белой пены, залитых водой картонных упаковок и мелких капель дистиллята.

Я сидела, привалившись спиной к перегородке, судорожно хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле с частотой двести ударов, пальцы мелко дрожали от пережитого шока.

Тимур опустился на колени прямо в пенную лужу напротив меня.

Его синий халат превратился в мокрые лохмотья. Воротник был разорван до пояса, открывая широкую грудь, покрытую хлопьями мыльной пены. На голове нелепо висел скособоченный клочок полиэтиленовой шапочки, по подбородку стекала струйка теплой мыльной воды, на кончике носа дрожал огромный переливающийся радугой пузырь.

Но самое главное было на его лице.

Над левой бровью, прямо там, где пять дней назад наложили швы, лопнула кожа от удара падающей коробки. Тонкая алая струйка крови медленно ползла сквозь мыльную пену по его виску, смешиваясь с каплями пота.

Он тяжело дышал, раздувая ноздри, и ошалело смотрел на мыльный пузырь у себя перед глазами.

Я перевела взгляд с его разорванного чемпионского халата на этот огромный мыльный пузырь, потом на его мокрую челку, торчащую во все стороны как перья взъерошенного воробья.

Внутри меня что-то щелкнуло. Напряжение последних суток, холодный страх перед падающим железом, непреклонная строгость и взаимная ярость внезапно лопнули, как этот пузырь.

Я прижала ладонь к губам, но сдержать себя уже не смогла.

Из моей груди вырвался первый короткий всхлип, а затем лабораторию огласил звонкий, безудержный, гомерический женский хохот.

Я смеялась до колик в животе, запрокинув голову, размазывая по щекам мокрые мыльные брызги. Непобедимый грозный чемпион мира, гроза рингов и кумир миллионов, сидел в луже мыла с разорванным подолом и пузырем на носу, напоминая огромного мокрого щенка сенбернара, которого только что выкупали в корыте хозяйственным мылом.

Тимур моргнул. Пузырь на его носу лопнул с легким хлопком.

В первую секунду в его темных глазах мелькнула тень привычной свирепости. Он явно собирался выдать грозную тираду о субординации и цене своего кашемира.

Но глядя на то, как я искренне, безудержно заливаюсь смехом, сидя на полу в мокром халате и залитых водой туфлях, он дрогнул.

Уголки его губ дрогнули. Скулы расслабились.

А затем из его могучей груди вырвался низкий, раскатистый, искренний хохот.

Он смеялся так громко, что эхо гуляло по автоклавной. Я снова показала на съехавшую шапочку; Тимур попытался ее поправить, размазал по лбу пену, и мы оба зашлись еще сильнее. Смех отдавался болью в ребрах, зато я наконец могла вдохнуть.

— Вяземская, вы сумасшедшая, — выдохнул он, утирая пену со щеки тыльной стороной ладони. — Я только что спас вам жизнь ценой своего чемпионского плеча, а вы надо мной ржете как первокурсница на дискотеке.

— Вы бы себя видели, гроза супертяжей, — выдавила я сквозь слезы смеха, пытаюсь перевести дыхание. — Этот радужный пузырь на носу войдет в историю мирового спорта. Никакие нокауты не сравнятся.

— Зато рефлексы сработали, — усмехнулся он, осторожно шевеля ушибленным плечом. — Стеллаж стоит. Вы целы. Пробирки целы. Значит, норматив сдан.

Он попытался встать, оперся рукой о влажный кафель, но тут же поморщился и тихо зашипел сквозь зубы. Кровь из рассеченной брови толчками потекла быстрее, заливая левый глаз.

Мой смех оборвался мгновенно.

Врачебный инстинкт вытеснил все остальное. Я вскочила на ноги, не обращая внимания на хлюпающую в обуви воду.

— Сиди смирно, — скомандовала я, неосознанно переходя на «ты». — Не вздумай тереть грязными руками. Там открытая рана, а вокруг щелочной раствор.

Я метнулась к уцелевшему настенному шкафчику первой помощи. Схватила флакон со стерильным физиологическим раствором, марлевые салфетки, ампулу с гемостатиком и гелевый охлаждающий пакет из холодильника, обернутый мягкой вафельной тканью.

Вернувшись, я опустилась на низкую медицинскую банкетку прямо перед ним.

— Подними голову. Смотри на меня.

Тимур послушно поднял подбородок.

Мы оказались лицом к лицу. Нас разделяли считанные сантиметры. Я слышала тяжелый, горячий ритм его дыхания, видела каждую крошечную черточку на его загорелой коже, темную кайму вокруг зрачков и глубокую складку у переносицы, оставленную постоянным напряжением боев.

Я смочила салфетку раствором и осторожно коснулась края раны.

Тимур вздрогнул. Его мышцы под халатом мгновенно окаменели, пальцы впились в собственные колени.

— Потерпи, богатырь, — тихо сказала я, смягчая тон. — Знаю, что щиплет. Сейчас обработаю края, остановлю кровь и приложу холод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.